

УДК 316.334.2

DOI 10.21685/2072-3016-2020-2-6

В. П. Кошарный

ОБОСНОВАНИЕ ЕДИНСТВА РОССИИ–ЕВРАЗИИ В СОЦИОЛОГИИ КЛАССИЧЕСКИХ ЕВРАЗИЙЦЕВ

Аннотация.

Актуальность и цели. Идейное наследие классических евразийцев не утратило актуальности, прежде всего в общеметодологическом плане. Основоположники евразийства одними из первых в истории общественной мысли России предприняли попытку всеобъемлющего теоретического синтеза, в ходе которого представили единство России–Евразии в пространственно-географическом, историческом, культурологическом, религиозном, лингвистическом, этнографическом аспектах. Цель работы – на основе анализа трудов участников евразийского движения выявить основные подходы к созданию комплексного и многогранного образа России.

Материалы и методы. Исследовательские задачи решались на основе анализа базисных программных документов и трудов представителей евразийского движения. Особое место в рамках настоящей работы занимают произведения П. Н. Савицкого, Г. В. Вернадского, Н. С. Трубецкого, внесших главный вклад в формирование социолого-экономических, исторических, этнографических, культурологических евразийцев, лингвистических идей классических евразийцев. Методологический арсенал включает методы историко-социологического анализа, которые позволяют исследовать тексты основоположников евразийства и интерпретировать их идеи под углом зрения целей, которые они ставили в своих трудах и программных документах движения.

Результаты. Изучено обоснование единства России теоретиками классического евразийства. Проанализирована теоретико-методологическая база многостороннего представления о России как единой, особой цивилизации, исторически сложившейся на евразийском континенте; отмечен неоднозначный характер некоторых теоретических положений.

Выводы. Историко-социологический комплексный подход евразийцев к анализу самых разнообразных сторон экономического, социально-политического и духовного развития России–Евразии был осуществлен на основе методологии теоретического синтеза, что стало значительным событием в процессе становления россиеведения как научной дисциплины.

Ключевые слова: классическое евразийство, Россия–Евразия, теоретический синтез, месторазвитие, географический фактор, геолингвистика, геософия, россиеведение.

© Кошарный В. П., 2020. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания авторства, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

THE JUSTIFICATION OF THE RUSSIA–EURASIA UNITY IN THE SOCIOLOGY OF CLASSICAL EURASIANS

Abstract.

Background. The ideological heritage of the classical Eurasians has not lost its relevance, first of all, in the general methodological sense. The founders of Eurasianism were among the first in the history of social thought in Russia to attempt a comprehensive theoretical synthesis, during which they presented the unity of Russia–Eurasia in the spatial-geographical, historical, cultural, religious, linguistic and ethnographic aspects. The purpose of this work is to identify the main approaches to creating an integrated and multifaceted image of Russia on the basis of an analysis of the works of participants in the Eurasian movement.

Materials and methods. Research tasks were solved based on the analysis of basic policy documents and works of representatives of the Eurasian movement. A special place in this work is occupied by the works of P. N. Savitsky, G. V. Vernadsky, N. S. Trubetskoy, who made the main contribution to the formation of sociological, economic, historical, ethnographic, culturological Eurasians, linguistic ideas of classical Eurasians. The methodological arsenal includes methods of historical and sociological analysis, which make it possible to study the texts of the founders of Eurasianism and interpret their ideas from the point of view of the goals that they set in their writings and program documents of the movement.

Results. The substantiation of the unity of Russia by the theorists of classical Eurasianism is studied. The theoretical and methodological basis of the multilateral view of Russia as a single, special civilization, historically formed on the Eurasian continent, is analyzed; the ambiguous nature of some theoretical positions is noted.

Conclusions. The historical and sociological complex approach of the Eurasians to the analysis of the most diverse aspects of the economic, socio-political and spiritual development of Russia–Eurasia was carried out on the basis of the methodology of theoretical synthesis, which became a significant event in the process of formation of Russian studies as a scientific discipline.

Keywords: classical Eurasianism, Russia–Eurasia, theoretical synthesis, local development, geographical factor, geolinguistics, geosophy, Russian studies.

В начале третьего десятилетия XXI в. концепция евразийцев 20–30-х гг. XX в., казалось бы, уже не столь актуальна. Произошли события, в ходе которых от некогда огромного и многонаселенного государства откололись его окраины – бывшие союзные республики. Экономический кризис, политические обстоятельства, амбиции политических элит оказались сильнее тех скреп, на которые указывали евразийцы и которые легли в основу их учения. Гипотетически можно представить, что экономические, культурные, политические связи могут быть восстановлены. Частично это уже и происходит. Но будет ли когда-нибудь восстановлено единое государство в границах России до 1917 г. или даже СССР? На этот вопрос определенного ответа не даст никто. Да и есть ли в таком возрождении (территориальном, политическом) какой-то смысл – это также большой вопрос.

Но в целом идейное наследие классических евразийцев не утратило актуальности, прежде всего в общеметодологическом плане. Основоположники евразийства одними из первых в истории общественной мысли России пред-

приняли попытку всеобъемлющего теоретического синтеза, в ходе которого представили единство России–Евразии в пространственно-географическом, историческом, культурологическом, религиозном, лингвистическом, этнографическом аспектах. По существу они заложили основы комплексной научной дисциплины, получившей в наше время название «россиеведение». Мы имеем здесь дело с опытом многостороннего представления России как единой, особой цивилизации, исторически сложившейся на евразийском континенте.

Тема России, ее исторической судьбы рассматривалась евразийцами в рамках традиционного для русской мысли ракурса: «Восток–Россия–Запад». И это не случайно, ибо, как справедливо отмечает А. Н. Ерыгин, «путь в сторону россиеведения в своей теоретической и методологической части, конечно же, начинается в рамках этой проблемы...» [1, с. 9]. Евразийцы осуществили культурологическое, этнографическое и «геософское» обоснование россиеведения. И важнейшую роль, наряду с учением Л. П. Карсавина о симфонической личности, историческими исследованиями Г. В. Вернадского, его выводами о роли «монголосферы» в русской истории, идеями Н. С. Трубецкого и Р. О. Якобсона о единстве лингвистическом, здесь сыграло учение П. Н. Савицкого о *месторазвитии*. У евразийцев это одно из центральных понятий философии истории и социологии. Именно в нем получила отражение идея пространственно-географического единства России–Евразии. П. Н. Савицкому принадлежит первенство в введении понятия месторазвития в терминологический аппарат евразийской философии истории и социологии. Оно явилось результатом осмысления работ выдающихся русских ученых, работавших в разных направлениях естествознания и социально-гуманитарных наук, прежде всего трудов Д. И. Менделеева, В. В. Докучаева, Г. Ф. Морозова, Я. Марра, А. П. Шапова, Н. Я. Данилевского и др. Каждый из этих ученых в своей области науки пришел к выводам о наличии объективных генетических связей между обществом и природной средой, в которой это общество живет и развивается, о взаимном влиянии природной среды и общества. В качестве предшественников понятия «месторазвитие» П. Н. Савицкий указывал на используемые в разных отраслях русской науки термины «месторождение полезных ископаемых» (геология), «местоформирование почв» (почвоведение), «местопроизрастание растительных сообществ» (ботаника), «местообитание животных сообществ» (зоология) [2, с. 282]. Мысль, высказанная ученым, о том, что движение к цельному пониманию мира предполагает приведение в «соприкосновение данных различных наук», в полной мере реализовывалась при обосновании синтетического образа России–Евразии многими представителями евразийского учения.

Так, например, Г. В. Вернадский активно использовал одну из центральных смысловых категорий евразийства – «месторазвитие», предложенную П. Н. Савицким, а затем принял участие в ее развитии. В своих трудах 20–30-х гг. XX в., опубликованных в эмиграции, русский ученый неустанно подчеркивал, что «русский народ рос и развивался не в безвоздушном пространстве, а в определенной среде и на определенном месте», отмечал тесную связь народа и государства с пространством, которое он осваивает, указывал на психическое и физическое давление народа на окружающую среду [3, с. 8.] Итогом размышлений стал вывод о том, что Евразия является географиче-

ской основой русского народа, а ее географические особенности обусловили характер исторического бытия русского народа [3, с. 11]. В «Начертании русской истории» Г. В. Вернадский дает определение понятия «месторазвитие», созвучное с определениями, данными П. Н. Савицким. «Под месторазвитием человеческих обществ мы понимаем определенную географическую среду, которая налагает печать своих особенностей на человеческие общезития, развивающиеся в этой среде. Социально-историческая среда и географическая обстановка сливаются в некое единое целое, взаимно влияя друг на друга. В разные исторические периоды и при разных степенях культуры человеческих обществ различная совокупность социально-исторических и географических признаков образует различные месторазвития в пределах одной и той же географической территории» [3, с. 12].

Интересно, что методологическую ценность категории месторазвития признавал даже такой противник евразийства, как П. Н. Милуков, отмечавший в своей работе «Очерки по истории русской культуры» тот факт, что данное понятие позволяет «научно обосновать причинную связь между природой данного месторазвития и поселившегося в нем человеческого общества» [4, с. 67].

Географические особенности Евразии, по мнению евразийцев, во многом предопределили ход исторического развития русского народа, повлияли на осознание Евразии как единого целого, что в свою очередь способствовало приспособлению к себе географических, экономических и этнических условий Евразии и обеспечило благополучное сосуществование разных этнических групп, тесную связь их культур, хозяйственной жизни, языков и т.д. [3, с. 13].

Заявляя о том, что социально-историческая среда и географические условия взаимообусловлены, а понятие «месторазвитие» констатирует «связи явлений», евразийцы не считали существенным вопрос о характере причинно-следственных отношений в связи «географическая среда – социальная среда». Научной для них была именно концепция взаимодействия. Категория месторазвития, утверждал П. Н. Савицкий, «нейтральна в отношении к возможным метафизическим разногласиям о том, что логически и причинно-следственно обладает первенством: социально-историческая среда или географическая обстановка...» [2, с. 293, 294].

П. Н. Савицкий специально подчеркивал, что он не абсолютизирует пространственно-географический фактор, а «утверждение понятия “месторазвитие” не равнозначает проповеданию “географического материализма”. Это последнее имя подходило бы к системе “географического монизма”, которая все явления человеческой истории и жизни возводила бы к географическим началам. Концепция “месторазвития” сочетается с признанием множественности форм человеческой истории и жизни, с выделением, наряду с географическим, самобытного и ни к чему не сводимого духовного начала жизни» [2, с. 292]. Конечно, если обратиться к широкому кругу произведений П. Н. Савицкого, как и других представителей классического евразийства, то нельзя не заметить, что географическому фактору они все отводили существенную роль. С другой стороны, справедливо и то, что у евразийцев речь шла в первую очередь о взаимодействии общества и природы, а не о «детерминации жизни общества природой» [5, с. 168].

Сочетание в понятии «месторазвитие» экономико-географического и исторического элементов позволило классическим евразийцам говорить о совершенно новой отрасли знания – геософии, к задачам которой они относили исследование связей между экономикой, культурой, религией и особенностями государственного устройства России–Евразии. Если поставить данный вопрос в более общем плане, то категория месторазвития должна быть главной в методологии исследования любого исторического процесса.

Таким образом, учение о месторазвитии выполняло у евразийцев важнейшую методологическую функцию – обоснования идеи экономического единства, стало фундаментом учения евразийской культуры как синтеза европейского и азиатского, западного и восточного начал.

Территория России–Евразии со всеми ее географическими особенностями рассматривалась евразийцами как пространство исторического сосуществования этносов, населяющих эту территорию. Здесь важно обратить внимание на то, что термин «Евразия» использовался евразийцами в нетрадиционном смысле как совокупность Европы и Азии, а именно как особый мир, географически не совпадающий с евроазиатским материком, место, где разворачивалась история русского народа и его ближайших соседей. В географической структуре русского мира Урал не играет разделяющей роли, а напротив, связывает доуральскую и зауральскую Россию. Географическое, биолого-почвенное единство способствовало взаимодействию этносов в экономическом и культурном плане, создавало своеобразный континент-океан с сильными внутренними связями, способствовало образованию единого государства. «Над Евразией, – писал П. Н. Савицкий, – веет дух своеобразного “братства народов”, имеющий свои корни в вековых соприкосновениях и культурных слияниях народов различнейших рас...» [6, с. 302].

Для евразийской историографии было характерно рассмотрение русской истории как истории освоения Евразии в качестве особого географического мира. В этом процессе они усматривали основания единства и своеобразия исторического развития народов Евразии. А история России, в свою очередь, не может быть рассмотрена вне истории Евразии, хотя совпадение этих двух историй произошло лишь в конце XIX в. «История Евразии есть история сообщества различных народов на почве Евразийского месторазвития, их взаимных между собою притягиваний и отталкиваний и их отношения вместе и порознь к внешним (внеевразийским) народам и культурам» [7, с. 3].

Результатом этого длительно процесса стало создание связанной с природно-климатическими условиями социальной среды и «целостного и органического мирозерцания» [3, с. 20] как неперемennого условия закрепления освоенного месторазвития.

В истории России–Евразии связь мирозерцания и месторазвития проявлялась не всегда. В X в. ей способствовало принятие восточного христианства, затем, в период раздробленности русских земель, связь ослабевает, но затем со времени Александра Невского и до правления царя Алексея Михайловича целостное евразийское мировоззрение восстанавливается. Эпоху, начало которой положил Петр I, евразийцы рассматривали как пример того, как процесс внешнего распространения русского государства на территорию Евразии сопровождался духовно-религиозным кризисом, приведшим в конце концов к краху императорской России. Отсюда и главная задача евразийства

в духовной сфере – преодолеть духовно-религиозный кризис и предложить обществу объединяющее мировоззрение – евразийство.

Вопросам обоснования исторического единства Евразии было подчинено и разделение истории Евразии (середина VI – начало XX в.) на семь политических эпох [7, с. 25], а в аспекте собственно русской истории как борьбы леса со степью в ней выделялось пять периодов [3, с. 22].

Особую объединительную роль Г. В. Вернадский отводил сложившейся в результате татаро-монгольских завоеваний системе зависимости русских земель от ордынских ханов. Здесь нужно сказать, что Г. В. Вернадский придерживался довольно спорной точки зрения об особой роли татаро-монгольских завоевателей в обеспечении единства России–Евразии и развитии русской государственности. Но так или иначе это был один из аргументов, подкрепляющих идеи единства исторических традиций народов Евразии.

Евразийцы отмечали, что были еще и другие результаты длительного исторического взаимодействия: образование общих признаков и черт в лингвистической сфере, некоторые свойства, общие людям русского, тюркских, угро-финских и кавказских народов в области политической психологии. Об этом свидетельствуют лингвистические исследования выдающихся русских ученых Н. С. Трубецкого и Р. О. Якобсона. Обоснование Н. С. Трубецким понятий «языковой союз» и «языковая семья», «союз языковых семейств», а также развитое Р. О. Якобсоном учение о евразийском языковом союзе, связь этих идей с понятием пространственного фактора, положениями экономической географии П. Н. Савицкого обсуждались евразийцами в контексте такой научной дисциплины, как геолингвистика [8, с. 31–36]. Говорили евразийцы о сложившихся общих для населения России–Евразии чертах политической психологии: склонность к беспрекословному подчинению государству и церкви, ориентация на твердую власть, авторитет, исключая бунт «бессмысленный и беспощадный». Эти особенности, по их мнению, явились благоприятной почвой для создания в географических пределах Евразии больших политических образований [7, с. 7, 8].

Особое место теоретики классического евразийства отводили вопросам религиозно-культурного единства. Они отказывались от чисто механического понимания культуры России как результата сложения европейской и азиатской культур. Для них это совершенно особая культура, являющаяся самоценной. Это «срединная, евразийская культура», в создании которой первенство принадлежит русскому народу [9, с. 375]. По словам П. Н. Савицкого, Н. С. Трубецкой, заложивший основы *этнографического* учения евразийцев, развивал ареальную концепцию культуры, полагая, что она не входит в состав более широких образований, а существует сама по себе, представляет некую особую «зону», где славянский элемент соединен с тюркским и угро-финским. «Русские вместе с угро-финнами и с волжскими тюрками, – писал Н. С. Трубецкой, – составляют особую культурную зону, имеющую связи и со славянством, и с “туранским” Востоком, причем трудно сказать, которые из этих связей прочнее и сильнее» [10, с. 344]. Теоретики евразийства говорили о сложившейся в ходе истории своеобразной евразийско-русской культуре.

С пониманием Евразии как особой «симфонически-личной индивидуации» (Л. П. Карсавин) православной церкви и культуры была связана евра-

зийская трактовка идеала православия, который «заключается не в “религиозном интернационале”, а в симфоническом и органическом, в соборном единстве многих исповеданий» [9, с. 363]. При этом языческие верования рассматривались как «потенциальное православие». Исследование характера русско-евразийской культурно-религиозной среды позволило евразийцам сделать вывод о русском православии как центре русско-евразийского духовного мира, тяготении к нему иных религиозных течений и верований потенциально-православных в том смысле, что их развитие будет движением к православию и «приведет к созданию новых, специфических его форм» [9, с. 365].

Революция 1917 г., а затем создание СССР открывали, по мнению евразийцев, новые перспективы для укрепления русско-евразийского единства, но уже на основе евразийской идеологии.

Таким образом, комплексный подход к анализу самых разнообразных сторон экономического, социально-политического и духовного развития России–Евразии был осуществлен на основе методологии теоретического синтеза, что стало значительным событием в процессе становления руссиеведения как комплексного изучения России.

Библиографический список

1. **Ерыгин, А. Н.** *Философское руссиеведение: мысль о России и русская мысль* / А. Н. Ерыгин. – Ростов-на-Дону : Альтаир, 2010. – 352 с.
2. **Савицкий, П. Н.** *Географический обзор России–Евразии* / П. Н. Савицкий // *Континент Евразия* / П. Н. Савицкий. – Москва : Аграф, 1997. – С. 279–294.
3. **Вернадский, Г. В.** *Начертание русской истории* / Г. В. Вернадский. – Москва : Алисторус, 2012. – 176 с.
4. **Милюков, П. Н.** *Очерки по истории русской культуры : в 3 т.* / П. Н. Милюков. – Москва : Прогресс, 1993. – Т. 1. – 528 с.
5. **Кириченко, М. М.** *Структурализм Пражского кружка и евразийство: обзор книги Патрика Серио «Структура и тотальность»* / М. М. Кириченко // *Социологический журнал*. – 2001. – № 2. – С. 159–176.
6. **Савицкий, П. Н.** *Географические и геополитические основы Евразийства* / П. Н. Савицкий // *Континент Евразия* / П. Н. Савицкий. – Москва : Аграф, 1997. – С. 295–303.
7. **Вернадский, Г. В.** *Опыт истории Евразии. Звенья русской культуры* / Г. В. Вернадский. – Москва : Товарищество научных изданий КМК, 2005. – 339 с.
8. **Трубецкой, Н. С.** *Фонология и лингвистическая география* / Н. С. Трубецкой // *Избранные труды по филологии* / Н. С. Трубецкой. – Москва : Прогресс, 1987. – С. 31–36.
9. *Евразийство. Опыт систематического изложения* // *Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России* / сост., вступ. ст., коммент. И. А. Исаева. – Москва : Русская книга, 1992. – С. 347–414.
10. **Трубецкой, Н. С.** *Верхи и низы русской культуры* / Н. С. Трубецкой // *Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России* / сост., вступ. ст., коммент. И. А. Исаева. – Москва : Русская книга, 1992. – С. 330–346.

References

1. Erygin A. N. *Filosofskoe rossievedenie: mysl' o Rossii i russkaya mysl'* [Philosophical Russian Studies: thought about Russia and Russian idea]. Rostov-on-Don: Al'tair, 2010, 352 p. [In Russian]

2. Savitskiy P. N. *Kontinent Evraziya* [Continent Eurasia]. Moscow: Agraf, 1997, pp. 279–294. [In Russian]
 3. Vernadskiy G. V. *Nachertanie russkoy istorii* [The outline of Russian history]. Moscow: Alistorus, 2012, 176 p. [In Russian]
 4. Milyukov P. N. *Ocherki po istorii russkoy kul'tury: v 3 t.* [Essays on the history of Russian culture: in 3 volumes]. Moscow: Progress, 1993, vol. 1, 528 p. [In Russian]
 5. Kirichenko M. M. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal]. 2001, no. 2, pp. 159–176. [In Russian]
 6. Savitskiy P. N. *Kontinent Evraziya* [Continent Eurasia]. Moscow: Agraf, 1997, pp. 295–303. [In Russian]
 7. Vernadskiy G. V. *Opyt istorii Evrazii. Zven'ya russkoy kul'tury* [Experience of the history of Eurasia. Links of Russian culture]. Moscow: Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2005, 339 p. [In Russian]
 8. Trubetskoy N. S. *Izbrannye trudy po filologii* [Selected works on philology]. Moscow: Progress, 1987, pp. 31–36. [In Russian]
 9. *Puti Evrazii. Russkaya intelligentsiya i sud'by Rossii* [Paths of Eurasia. Russian intelligentsia and the fate of Russia]. Comp. by I. A. Isaeva. Moscow: Russkaya kniga, 1992, pp. 347–414. [In Russian]
 10. Trubetskoy N. S. *Puti Evrazii. Russkaya intelligentsiya i sud'by Rossii* [Paths of Eurasia. Russian intelligentsia and the fate of Russia]. Moscow: Russkaya kniga, 1992, pp. 330–346. [In Russian]
-

Кошарный Валерий Павлович

доктор философских наук, профессор,
кафедра философии и социальных
коммуникаций, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: val_kosh@mail.ru

Kosharnyy Valeriy Pavlovich

Doctor of philosophical sciences, professor,
sub-department of philosophy and social
communications, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Образец цитирования:

Кошарный, В. П. Обоснование единства России–Евразии в социологии классических евразийцев / В. П. Кошарный // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2020. – № 2 (54). – С. 51–58. – DOI 10.21685/2072-3016-2020-2-6.